

митомъ соединеніе вожакъ, я допускаю, что комитетъ, а въ составъ его Желябовъ, занялся разработкой самаго замысла. По словамъ Желябова изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ, которыхъ, по словамъ Желябова, было много, а я думаю одна,—были вызваны добровольцы и Желябовъ кликнулъ кличъ. На этотъ кличъ отозвалось 47 человекъ, изъ которыхъ 19 человекъ шли условно, только въ томъ случаѣ, если на мѣстѣ совершенія преступленія ихъ будутъ сопровождать люди опытные революціоннымъ прошлымъ, а 28 шли безъ всякихъ условій. Такимъ образомъ Желябовъ имѣлъ предъ собою выборъ. Но, по словамъ Рысакова, дѣло было нѣсколько иначе, и совершеніе злодѣянія было просто-на-просто предложено рабочей дружинѣ, изъ которой вышли Рысаковъ, Тимофей Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ“, ктѣй этой дружинѣ принадлежалъ. По словамъ Рысакова, на кличъ Желябова отозвалось не 47 человекъ, а всего на всего 4 человека—тѣ самые, которые, вооруженные метательными снарядами, были разставлены близъ Малой Садовой по извѣстнымъ пунктамъ. После сбора участниковъ начались предварительныя объясненія и разговоры заговорщиковъ о совершеніи преступленія. Этимъ предварительнымъ объясненіемъ предшествовало еще давно предпринятое слѣженіе за Государемъ Императоромъ... Я не знаю вещи или предмета, внушающаго больше негодованія, какъ воспоминаніе объ обстановкѣ этого преступленія. Безъ на провъдъ Государя Императора, куда бы ни вышелъ Государь Императоръ, таея во тѣмъ, слѣдуя за Нимъ, стояли эти люди, выжидающіе, высматривающіе, слѣдящіе за Его привычками, за направлениемъ, которое Онъ приметъ при провъдѣ, для того чтобы потомъ изъ этихъ опытовъ сдѣлать вров-вое употребленіе, а когда приходится себѣ представить, что это слѣженіе и наблюденіе было организовано женщиной, подсудимою Перовской, то становится еще ужаснѣе, еще болѣе душа содрогается. Да, между тѣмъ это такъ. Мы слышали отъ Рысакова и отъ самой Перовской, которая сознается, что она вмѣстѣ съ другими лицами давно слѣдила за Государемъ Императоромъ, въ теченіе всей зимы, и самая выработка плана была результатомъ опытовъ, введенныхъ изъ наблюдений. Сдѣлалось извѣстнымъ, въ какомъ часу провъжаетъ Государь Императоръ, по какому направленію, гдѣ Онъ останавливается, а на этомъ былъ построенъ планъ. Затѣмъ послѣдовали предварительныя разговоры въ квартирѣ Рысакова, занимаемой у Ермолиной и здѣсь я остановлю ваше вниманіе на томъ, что хозяйка Рысакова, Ермолина, въ этой квартирѣ его, въ то время, когда онъ относится къ этимъ разговорамъ, видѣла и Тимофей Михайловъ. Слѣдовательно, въ предварительныхъ разговорахъ о пареубійствѣ принималъ участіе и при нихъ присутствовалъ и подсудимый Тимофей Михайловъ. Мѣсто-ли оказалось неудобнымъ или по другимъ причинамъ, но только эти разговоры перешли въ другое помѣщеніе, въ настоящую конспиративную квартиру, по Троицкому переулку, гдѣ хозяйкою была подсудимая Гельфманъ. Здѣсь происходили разговоры. Параллельно съ этими разговорами, въ другомъ мѣстѣ, намъ неизвѣстномъ, можетъ быть въ Подъяческой, можетъ быть въ той уединенной комнатѣ, въ которой своимъ научнымъ изысканіямъ предавался Кибальчичъ, происходила выработка самыхъ средствъ, самаго орудія преступленія. Нужно было много сдѣлать. Нужно было выработать типъ, идею, систему снаряда, нужно было подавать техническіе совѣты для устройства мины и въ то же время заботиться и о разрушительномъ, и о спасительномъ дѣйствіи этой мины, нужно было заботиться о внимательномъ количествѣ динамита, чтобы онъ поражалъ только того, кого нужно, и не порождалъ другихъ. Эта задача лежала всецѣло на Кибальчичѣ. По этому поводу я останавливаю ваше вниманіе на довольно странномъ обстоятельстве,

которое подробно изложено въ обвинительномъ актѣ, не опровергнуто подсудимыми и подтверждено при изслѣдованіи дѣла, а также показаніями на судѣ. Когда подсудимому Кибальчичу былъ предложенъ первый вопросъ о его участіи въ дѣлѣ, когда его спросили о метательныхъ снарядахъ, то онъ прежде всего заявилъ: „Да, это мои снаряды, это моя идея, моя система, мой типъ, я, я его одинъ изобрѣтатель, безъ всякихъ помощниковъ: это мой секретъ“. А вы знаете, это типъ новый, эксперты этого типа не знаютъ, въ немъ все предусмотрено, такъ что онъ своей цѣли не достигнуть не можетъ. Затѣмъ прошло немного времени, пришлось перечитывать это показаніе и является уже другая мысль: „Да, но если я сказалъ, что эта идея моя, то она умретъ вмѣстѣ со мною, она никому не будетъ передана“. Тутъ явилось другое объясненіе, тутъ интересы партіи оказались сильнѣе интересовъ научныхъ, тутъ въ Кибальчичѣ заговорилъ членъ социальна-революціонной партіи и явилось диаметрально противоположное объясненіе. Пошелъ разговоръ, что не я одинъ, что еще есть двое, они на свободѣ, они могутъ продолжать. Помощники были, это не подлежитъ сомнѣнію, но пусть Кибальчичъ всецѣло оставитъ за собою идею изобрѣтенія и ея успѣшное дѣйствіе. Выработаны были орудія преступленія и начался мало по малу слататься и опредѣленный планъ. Сначала мысль о злодѣяніи, говоритъ Рысаковъ, представлялась отдаленною ему самому, но о совершеніи злодѣянія уже думали. Нужно снѣшить, сказала Желябова, время не терпѣть—и поспѣшили. Поспѣшность сказана во всѣхъ дѣйствіяхъ партіи, и причина ея на лицо. Дѣятельность власти осенью 1880 года по обнаруженію членовъ партіи, въ частности террористовъ и лицъ, принадлежавшихъ къ группѣ, въ которой было задумано злодѣяніе, была особенно энергична и успѣшна. Власть удалось напасть на слѣды, были произведены аресты, были арестованы многіе видные дѣятели прежнихъ террористическихъ преступленій, были задержаны Тригони и Желябовъ. Громъ уже гремѣлъ надъ партіей, уже была протолчута рука, которая была готова схватить членовъ ея, нужно было снѣшить. Этимъ и объясняется поспѣшность, особенно сильно сказывающаяся въ томъ, что какъ только арестовали Желябова 27-го февраля, тотчасъ же 28 го Перовская исчезаетъ, дѣлается руководительницею заговора и приводитъ его въ исполненіе не медля ни минуты. Снаряды еще не готовы, ночь посвящается на ихъ приготовленіе. Утромъ Перовская приноситъ снаряды на квартиру въ Телѣжну улицу и говоритъ: вотъ все, что успѣли сдѣлать, нужно довольствоваться и малымъ, больше не успѣли. Я возвращаюсь къ показанію Рысакова. За полторы недѣли до 1-го марта, когда былъ крикнутъ Желябовымъ кличъ, вызвались четверо: Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“ (Ельниковъ), Тимофей Михайловъ и неизвѣстный „Михаилъ“. Вызвавшимся былъ данъ доступъ на другую конспиративную квартиру, помѣщающуюся въ Телѣжной улицѣ. Туда они были введены Желябовымъ. Тутъ вмѣстѣ съ Желябовымъ появился и Кибальчичъ, и здѣсь начались лекціи—я употребляю подлинное выраженіе Рысакова—лекціи Кибальчича о снарядахъ. Кибальчичъ привыкъ къ объясненію научныхъ предметовъ. Мы слышали здѣсь отъ него весьма обстоятельный, весьма связанный рассказъ объ этомъ. Поэтому мы можемъ заключить, что и его лекціи были ясны, послѣдовательны и вразумительны. Приносились не снаряды, но отдѣльныя части ихъ, Кибальчичъ читалъ участникамъ будущаго злодѣянія техническія наставленія и дѣлалъ пробы. На эти пробы указываютъ предметы, найденные въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ: модель, осмѣтрѣнная экспертомъ Федоровымъ, бертолетовая соль, воблы, реторты и записка о смѣси, которая вошла въ снаряды. Лекціи эти происходили въ квартирѣ, хозяйкою которой была подсудимая

Гельфманъ. Правда, говорятъ, что она отъ лекцій уходила, но вѣдь она знала, что на нихъ преподается и какой онъ будетъ результатъ. 28-го февраля, на канунъ злодѣянія, неудовольствовавшись лекціями, участники произвели и опытъ. Отправившись, по словамъ Рысакова, далеко за городъ, подъ Смоленскій монастырь, четверо: Рысаковъ, Кибальчичъ, техникъ, Михаилъ Ивановичъ и Тимофей Михайловъ, и здѣсь пробный снарядъ былъ брошенъ Тимофеемъ Михайловымъ. Снарядъ разорвался удачно, проба была успѣшна. Участники возвратились на квартиру и стали ждать Желябова, но онъ не приходилъ, и Гельфманъ сказала, что если онъ не приходитъ, значитъ не можетъ придти, что нибудь его задержало,—а задержало его то, что онъ былъ арестованъ. Когда 28-го февраля сдѣлалось извѣстно объ арестѣ Желябова, были сдѣланы спѣшныя, послѣднія приготовления. Утромъ 1-го марта былъ назначенъ сборъ въ конспиративной квартирѣ. Обязанность Желябова приняла на себя Перовская. Рано утромъ Перовская привезла въ Телѣжную улицу, какъ я уже сказала, два снаряда. Тогда же пріѣхалъ вскорѣ и Кибальчичъ, приготовившій ночью снаряды и привезъ еще два снаряда. Такимъ образомъ снарядовъ оказалось четыре, по числу участниковъ, между ними снаряды были распределены. Но предъ тѣмъ, чтобы выходить на злодѣяніе нужно было сообщить участникамъ въ точности время, мѣсто и способъ дѣйствія, нужно было нарисовать планъ, нужно было разставить бойцовъ, и это послѣднее дѣло приняла на себя Перовская. Съ карандашемъ въ рукѣ, на первомъ попавшемся конвертѣ она начертила планъ, на которомъ точками указала мѣста, гдѣ должны были стоять участники. Планъ былъ такой: Государь Императоръ, по всей вѣроятности, долженъ провъжати по Малой-Садовой. Провѣдетъ этотъ уже жуть, понятно кто—Кобозевъ. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ, стоятъ метальщики: одинъ—у Екатерининскаго савера, другой—на углу Невскаго и Малой Садовой: это посты Рысакова и Михаила. Другія мѣста на углу Большой-Итальянской, близъ Манежной площади занимаютъ Тимофей Михайловъ и Котикъ. Въ то же время Перовская стоитъ на углу Михайловской площади и Большой-Итальянской близъ вондистерской Кочурова, стоитъ безъ всякаго оружія, съ планомъ въ головѣ, для того чтобы наблюдать за исполненіемъ и подавать сигналы. Произошелъ, положимъ взрывъ, но оказался не удачнымъ, метальщики собираются на Малой-Садовой и здѣсь доканчиваютъ дѣло смерти, бросая свои орудія. Если же произойдетъ иначе, если Государь Императоръ не поѣдетъ по Малой-Садовой, то тогда Перовская подастъ имъ сигналъ и измѣняетъ диспозицію. Произошло послѣднее. Его Императорское Величество, выхавъ изъ Зимняго Дворца, проѣхавъ по Инженерной улицѣ прямо въ манежъ, Перовская убѣдилась, что на Малой-Садовой взрыва не послѣдовало и дала условный сигналъ, по которому метальщики, оставивъ прежніе посты, собрались на Михайловской улицѣ, и оттуда пошли на Екатерининскій каналъ, рассчитывая, что обратный путь Государя будетъ по Екатерининскому каналу. И вотъ, метальщики отправляются на Екатерининскій каналъ. Перовская продолжаетъ путь на Невскій, поворачиваетъ направо, переходитъ чрезъ Казанскій мостъ, огнѣваетъ Екатерининскій каналъ и останавливается—какъ-разъ напротивъ мѣста, гдѣ совершилось злодѣяніе, для того чтобы наблюдать за его совершеніемъ. Государь Императоръ провъжати по Екатерининскому каналу, метальщики встрѣчаютъ его. Рысаковъ—первый, „Михаилъ Ивановичъ“—второй. Планъ приведенъ въ исполненіе и подкото въ Малой-Садовой оказывается ненужнымъ, онъ вырод

(Продолженіе будетъ.)

Довз. цензур. 19-го іюня 1881 года.

Печат. въ Кур. губернской типографіи.

Редакторъ В. Перцевъ.